

Настоящий бой... Видать, крупные силы выходят из окружения. Возможно, выброшен десант. Вот тебе и капитуляция. Я подошел к телефону и только поднял трубку, как в ней раздался сигнал. Я откликнулся.

— Товарищ комдив, война кончилась! — воскликнул молодой голос. — Мир, товарищ гвардии полковник! Мир!! Мир!!! Вы слышите?

— Слышу, — ответил я, чувствуя, как все мое существо начало освобождаться от чего-то незримо тяжелого, постоянно ощущавшегося. Все эти долгие военные годы. — Спасибо...

Я положил трубку, вздохнул и опустился на стул. Совершенно не ожидал, что наступило то, чего все мы ждали с минуты на минуту, в чем не сомневались. И все же действие слов — «конец войне, мир» — было могуче, огромно, оглушительно!

Так почему же я сижу один, в темноте? Я бросился к выключателю, зажег лампу и выглянул в окно. Все небо было расчерчено трассами пуль, очередей, ракетами. Пальба из всех видов оружия нарастала. Я тоже достал пистолет и несколько раз выстрелил из окна вверх.

Звонил телефон. Поздравляли из 16-го. Трубку передавали из рук в руки. Я слышал голоса Федорова, Трофимова, Сухова, Березкина, Труда, Вахненко, поздравлял их. Потом звонили Абрамович, Мачнев, Бобров, Вильямсон... Я пробился по телефону к Утину, Красовскому и тоже поздравил их.

Стрельба не утихала. Я вышел на улицу. Встречая знакомых и незнакомых людей, жал им руки.

Вскоре почти все летчики, работники политотдела и штаба сошлись в моем доме. Радость переполняла наши сердца, рвалась наружу, ее надо было разделить с друзьями. Вспоминали и тех, кто не дожил до этого дня, кого не было с нами.

Ночь, озаренная салютами, незаметно перешла в день. В великий День Победы.

9 мая и в последующие несколько дней летчики нашей дивизии еще выполняли задания командования, патрулируя в небе над Прагой. В один из таких дней Голубев, находясь в воздухе, увидел немецкий самолет «дорнье-217», шедший с запада на восток. Преследуя его, Голубев дал несколько предупредительных очередей, но тот летел дальше, отказываясь идти на посадку. Тогда Голубев поджег его, и он упал где-то в горах. Это был последний вражеский самолет, сбитый нашей дивизией.

После того вылета все до единого снаряды и патроны каждого самолета были взяты на учет. Они перестали служить войне.

В середине мая наша дивизия перелетела из Гроссенхайна в город Ризу на Эльбе. На всей нашей жизни здесь сверкали отблески неугасаемого сияния Победы — праздника всех народов мира. На аэродромах дежурило только несколько летчиков и техников — остальные отдыхали, осматривали Берлин, Дрезден, Прагу.

Столица Чехословакии встречала нас как родных сынов. На улицах нас окружали толпы народа, девушки дарили цветы и улыбки, хозяева ресторанов угощали лучшими блюдами и винами, решительно отказываясь от денег. В Дрездене мы увидели страшные развалины, под которыми заживо погребены тысячи жителей. Нам рассказали, что этот красивый город был разрушен бомбами союзников всего за несколько дней до перемирия. Мы слушали и возмущались: зачем это было сделано?

В Берлине мы проехали по улицам, побывали в рейхстаге, увидели очереди голодных немцев у советских пунктов, раздававших пищу, осмотрели памятники, разбитый собор, парки. Не найдя, где можно было бы присесть и перекусить своими запасами, подались за город на природу.

Где-то за Потсдамом мы остановили машины и расположились на травке потрапезничать. Только открыли консервы, нарезали хлеб, как из кустов высунулось несколько детских белобрысых головок. Их личики, выражение глаз говорили о том, что смотрели они на нас не из любопытства.

Кто-то из наших засмеялся над ними, назвав маленькими фрицами, даже намеревался пугнуть их, но другой остановил его:

— На ребятах своей ненависти к фашистам мы срывать не будем.

— Верно.

— Эти не пойдут с оружием. Они-то больше других поняли, что такое война!

Чувствуя на себе взгляды голодных детей, никто не мог есть. Мы подозвали их, они доверчиво подошли к нам. В подставленные руки и рубашки мы наложили хлеба, консервов. Потом мы еще долго разговаривали об осиротевших немецких детях, о тех, кто сделал их несчастными. Думали о том, сколько неизмеримо больших несчастий